

В ней жила птица

Любовь в живописных тонах

18+

Владимир Положенцев

Владимир Николаевич Положенцев

В ней жила птица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66356558

SelfPub; 2021

Аннотация

Журналист Сокольников случайно встречает в метро свою бывшую любовь Анну, которая приглашает его к себе в гости. Однако возвращаться в прошлое так же опасно, как и заглядывать в будущее...

Владимир Положенцев

В ней жила птица

В ее взгляде присутствовала какая-то животная дикость. Даже не звериная, птичья. Критическая осмысленность и острая ирония ее глаз, невероятным образом сочетались с пещерной первобытностью и варварской непосредственностью, обнажая сильную зависимость от инстинктов. Будто внутри жили два существа – человек и птица.

Это и привлекало его к ней. Вернее, тянуло словно магнитом. Больше ничего особенного в ней не было. Приземистая, далеко не идеальная фигура. Плотное тело без определенной талии на коротковатых ногах. Крепкие, почти мужские плечи и не аристократические, с вздутыми венами руки, унизанные тяжелыми перстнями и кольцами. Она явно ими гордилась, и это тоже не прибавляло, по его мнению, ей плюсов. Прямые каштановые волосы, никогда не знавшие химии. Они собирались сзади в пучок, обрамляли выпуклый, невысокий лоб, свисали гардинами над впалыми висками. Немаленький крючковатый с горбинкой нос, налитые, но нельзя сказать, что чувственные губы. Желтоватая, правда с бархатным оттенком кожа, обтягивала не отталкивающее, но своеобразное лицо. Одевалась, как она полагала, привлекательно. Обычно облачалась то ли в платье, то ли в бала-

хон свободного покроя до колен и просторные короткие штанишки в синюю ромашку, что делали ее ноги еще короче, чем были на самом деле. Красилась ярко, почти вызывающе, подчеркивая косметикой черты лица, которые, вероятно, нужно было бы притемнить. Когда-то, в начале 90-х, она носила большую тяжелую косу с бантом на конце, и при первой случайной встрече с ней он еще подумал: 'Русская красавица, блин, и считает, что она может еще кому-то понравиться. Царевна – лягушка, да и только'.

Внешне Анечка была очень далека от той женщины, которую он хотел бы видеть рядом с собой. И внутренне они были совершенно разными людьми. Он – законченным циником и прагматиком, она идеалисткой и мечтательницей до мозга костей. Словом, ничего общего, никаких точек соприкосновения.

Вот только взгляд. Этот дикий взгляд неожиданно и крепко зацепил его душу. Он не раз вырывал ее из сердца вместе с мясом, но всегда частичка ее оставалась, вновь давала всходы и продолжала его мучить. Она не давала ему покоя ни днем, ни ночью. В то время он остро нуждался во второй половине, в женской поддержке, но сам не понимал, что хотел от нее. Она же пребывала в перманентном поиске чего-то высокого, неземного и не хотела прибиваться к одному, скалистому берегу. Он знал, что никакой опорой она стать ему не сможет, даже если бы захотела. И сколько бы это продолжалось, неизвестно.

Однажды он встретил ее с другим. Потом, одна из ее подруг позвонила ему и рассказала, что Анечка живет с тем, с другим. А этот другой долго жил с ней. Подруга явно намекала, что не следуют делать из этого трагедию, а лучше провести естественную рокировку партнеров. Но он не мог отказаться от нее так просто. В душе. Бороться за нее не стал, просто ушел в сторону.

Мучился несколько лет, пока она не вернулась. К нему возвращались все без исключения женщины, которые когда либо, от него уходили. Их было немало, так же как и тех, что бросал он. И всегда эти возвращения заканчивались ничем. Блудные дамы были ему уже не нужны. То же вышло и с ней. Когда-то остро желанная, не понятно даже для чего женщина, стала частью мировой декорации. Пропала потребность в ней, и он радовался, что когда-то она не согласилась выйти за него замуж.

Однако любовь – это болезнь. И как вирусы и бактерии после их уничтожения оставляют в организме свои ДНК, так и любовь оставляет свои споры. Что из них может вырасти, никто не знает. Но при благоприятных условиях эти семена непременно дают всходы.

Он встретил ее случайно, зимой, когда город заметало мокрым снегом. В тот год стояли необычайно темные дни. Казалось, вечер наступает сразу после рассвета. Он вообще-то любил мрачную погоду, она ни к чему не подталкивала, не звала, а, значит, потом не приходилось испытывать

разочарования. Ехал в частный медицинский центр, чтобы избавиться от болей в пояснице. Врачи районной поликлиники выписывали разные лекарства, но облегчения они не приносили. Он не верил, что помогут и в медицинском центре, но всегда нужно что-то предпринимать, когда есть цель, пусть и недостижимая. Без движения падает любое тело. Закон физики.

Она окликнула его, когда он поднимался на эскалаторе на станции метро 'Новокузнецкая'. Он еще не понял, что зовут именно его, но сразу узнал ее голос, который пронзил насквозь. Обернулся. Анечка спускалась вниз на противоположном эскалаторе. Это была она и не она. Короткая прическа, спокойный макияж на похудевшем лице. Ничего вызывающего, отталкивающего. Только такой же острый, ироничный, птичий взгляд. За мгновение осязаемо пронеслась вся история их взаимоотношений. Как перед смертью, говорят, проносится перед человеком вся его жизнь. Он ощутил новое дыхание мира, почувствовал свежие запахи. Пространство наполнилось красками, ожило.

Анечка махала ему рукой, несдержанно улыбалась. Он никогда не понимал ее улыбку. Хотя прекрасно знал, что именно улыбка и смех полностью раскрывают характер человека. С другими женщинами не было проблем. Понаблюдает незаметно со стороны, как они смеются, и делает выводы, в которых никогда не ошибался. Она же была загадкой, Мона Лизой. Её мир, характер никогда не открывались для

него полностью. А, может, подсознательно, он и не хотел в ней ничего разглядеть. Чем дольше мы не разгадываем женщину, тем дольше любим.

Все дальше уплывала она на эскалаторе, а он не знал что делать. 'Броситься по ступенькам вниз, что-то крикнуть? Ни за что. Сердце, конечно, закололо, но это не повод терять голову'. Внезапно накатилась тоска – через пару секунд она исчезнет навсегда. И уже никогда это не повторится. Ничего больше не будет.

Неуверенно поднял правую руку, помахал. Она заулыбалась еще лучезарнее, ткнула пальцем себя в грудь, указала вверх. От сердца отлегло. 'Все понятно, нужно подождать ее у выхода, она сейчас поднимется'.

Вышел на улицу, вдохнул полной грудью слякотного воздуха. Тут же закурил. К лицу прилипали крупные снежные хлопья. 'Может, уйти, к чему эта встреча?' – спрашивал он себя, но знал, что, конечно, никуда не уйдет.

Она появилась через пару минут. Приблизилась быстрой походкой, по-прежнему улыбаясь, дернулась всем телом. Но целоваться, обниматься, не полезла, достала из сумочки сигарету, тоже закурила. Заметил, как подрагивает ее рука с зажигалкой. Он тоже нервничал и решительно не знал с чего начать разговор. Анечка собиралась сделать это сама, уже открыла рот, когда он не к месту спросил:

– На митинг оппозиции ходила?

Ни 'здравствуй', что называется, 'ни до свиданья'.

Анечка на секунду застыла, растерялась, потом рассмеялась, громко, заразительно, как умела всегда делать только она.

-Не-е-ет, – протянула Анечка. – Я на работе была. А почему ты спросил?

'Действительно, почему я спросил?– сам не понял он. – Наверное, потому что рядом Болотная. Спокойно, без, эмоций, не надо нервничать'.

Была бы возможность, прикурил бы сразу вторую сигарету. 'С двумя сигаретами во рту, смешно'. Чем дольше не видишься с человеком, тем тяжелее найти общий язык. Кажется, столько тем для обсуждения, а встретишься, и, оказывается, сказать-то друг другу нечего. Людей объединяют общие дела, интересы, а когда люди расходятся, связь рвется. Остается только одно общее-прошлое, но у каждого о нём свое представление.

'Это глупо я про митинги, – он затушил сигарету о край урны и тут же прикурил новую. – Правильно учительница в школе говорила: не знаешь что сказать, лучше молчи, за умного сойдешь. Грубо, но верно'.

Вероятно, и она чувствовала себя не в своей тарелке, потому что тоже задала странный для начала беседы вопрос:

-Ты читал Стига Ларссона?

-'Девушка с татуировкой дракона', – кивнул он.

-Лисбет Саландер мне очень симпатична.

Он сразу догадался почему. Лисбет такая же экстрава-

гантная особа, как и Анечка. Только по характеру они с книжной героиней совершенно разные. Вообще, Анечка всегда имела, мягко говоря, своеобразные пристрастия. Она была без ума от Гребенщикова, знала наизусть почти все его песни, считала их своей жизненной идеологией. Ему же этот музыкант был просто противен. Блеял под гитару всякую чепуху. Кроме того, она относилась с благоговейным трепетом к своей работе ассистента режиссера. Считала ее творческой. Хотя, кому, как ни ему было знать, что на телевизионных Новостях – это чисто техническая, далекая от творчества профессия. Не зевай и нажимай вовремя кнопки на пульте. Его же профессию журналиста, она, казалось, вообще не рассматривала всерьез. 'Подумаешь, текст написать! Каждый сможет'. Все это, говорило, как он полагал, об общем интеллектуальном уровне Анечки, но все равно его к ней тянуло, и он хотел быть именно с ней.

-Знаешь, почему мне нравится Лисбет?

-Героиня нашего времени. Людям нравятся необычные, но правильные личности, в которых они хотели бы видеть себя. Печорин, Чацкий, Глеб Жеглов, Брат, Глухарь. Лисбет Саландер из той же серии. Почти из той же. В отличие от остальных героев, она не терзается сомнениями.

-Фу, – наморщила нос Анечка, – 'из той же серии', как-то ты о великих людях неуважительно.

-Они не люди, образы, фантомы, плоды воображения художников. Не то, что есть на самом деле, а то, что могло бы

быть.

-Но ведь мысль материальна! – округлила глаза Анечка.

-В физическом мире, да. Но люди всегда ищут родственные души в иллюзорном пространстве. А где их еще найти, если нет в материальном мире? Находят и идут с ними рука об руку, как с живыми.

Анечка сощурилась, по уголкам глаз собрались более заметные морщинки, нежели прослеживались раньше.

-А ты такой же скептик, Сокольников, ничуть не изменился.

'Да и ты такая же чудная', – подумал он.

-Саландер, пусть это, как ты говоришь, и фантом, привлекает меня своей решительностью, тем, что все доводит до конца.

-Что ты хочешь этим сказать?

-Не знаю.

'Вот так всегда, говорит, не зная для чего. А я непонятно для чего слушаю и вступаю в глупую, бессмысленную полемику'.

Повисла неловкая тишина. Крупный снег сменился мелкой изморосью с крупинками града. Ветер стал невыносимым. Над Полянкой накренился рекламный баннер, готовый в любую минуту сорваться на застрявшие в пробке машины.

-Ты женат? – наконец спросила она, наклонив по-птичьи голову.

-Была жена, да вся вышла. Вернее, и сейчас есть, по пас-

порту, но мы с ней давно не живем. Она в Медведкове, я на Алтуфьевке.

-Почему?!- спросила она с таким удивлением, будто бы знала его жену с самой лучшей стороны или была с ней близкой подругой.

Разговор о бывшей жене, которая ему изменила, был Сокольникову неприятен. Ладно бы Оленька переспала с кем –нибудь, а то ведь предала морально. Один раз он застукал ее с 'приятелем' в метро, встал за колонну, подслушал разговор. Товарищ втирал ей что-то про сценарий документального фильма. Она слушала, раскрыв рот, с глазами полными восторга. Ему было больно и гадко. И пусто. Долгое время жена ему твердила, что между ней и Ковальчуком только дружба. Потом стала пропадать по выходным и по праздникам, уходить в какие-то походы с ночевкой. А однажды привела Ковальчука домой. Зачем? Сокольников не стал выяснять. Забрал паспорт, деньги, хлопнул дверью. Прошло время, и они с Оленькой начали иногда встречаться в Останкинском баре. Как приятели, не больше. Она много раз намекала, что неплохо было бы начать все заново, говорила, что о случившемся жалеет не только она, но и все ее родственники. Но до Сокольникова, будто не доходили ее слова. Застревали где-то между небом и землей. Оленька ему уже была не интересна и не нужна. А ведь почти два года он не находил себе места без нее, страдал как от зубной боли. Но однажды эту боль как рукой сняло. Внезапно. Жена тоже работала ас-

систентом режиссера на теленовостях. 'Все они, ассистентки, какие-то ущербные'.

-Стерлись контактные точки, – уклончиво ответил он.

-А восстановить пробовал?

-Послушай...

Она рассмеялась, видимо, сообразив, что слишком глубоко лезет к нему в душу, после стольких лет необщения.

-Как у тебя? Слышал, ребенка родила.

Взгляд её затуманился, исчезла вся птичья острота.

-Ребенка. Кто тебе сказал? Подхватила воспаление легких. Преждевременные роды, врачи девочку не спасли.

-Извини.

-Ничего. Ну ладно, – вздохнув и хлопнув в ладоши, сказала она, – рада была увидеть и поговорить. Пока, – сделала Анечка шаг в сторону.

'И это все?– удивился Сокольников. – Зачем же тогда в метро руками махала?'

Во рту появилась досадная горечь, в горле запершило. 'Ну, пока, так пока, только не понятно...'

Резко развернувшись, опять рассмеявшись, она пошла куда-то к Полянке. 'В метро же спускалась, куда же ты тогда?' – всплыла у него мысль.

Поправил на плече портфель, бросил мимо урны окурков, побрел в сторону Пятницкой улицы. Остановился у газетного киоска. Долго бессмысленно глядел на журналы и сувениры. В голове стучало, кровь то прилиwała к лицу, то отли-

вала. Хотелось чему-то радоваться и плакать одновременно. Анечка задела ему раны. Растревожила и исчезла, улетела.

'Птица, блин. Черт бы тебя побрал, и что тебе понадобилось на Новокузнецкой?' Неожиданно заболело в груди, а табачный дым показался необычайно горьким. 'Зачем появилась, места тебе на Земле мало?'

-Ты еще не ушел?– раздался сзади голос, который прострелил его от пяток до корней волос. Взглянул через плечо.

– Забыла тебя кое о чем спросить, – сказала совершенно спокойно Анечка. У нее был привычный птичий взгляд. – Тебе нравится Моне?

'Совсем с ума сошла', – подумал Сокольников, внутри которого все опять закружилось, заликовало.

-Художник?

-Да, Клод Моне, французский живописец.

-Ну...Недавно его выставка в Пушкинском была. Хотел сходить да не успел. Позапрошлым летом я был в его музее в Живерни, под Парижем.

-Правда?! И как?

-Великолепный сад, который он создал своими руками. Яблони, плетущиеся по изгородям как лианы, сотни сортов роз, прудики с кувшинками.

-А картины?

-И картины, конечно.

Сокольников не понимал, к чему клонит Анечка. Впрочем, пусть говорит о чем угодно, лишь бы не уходила.

-Правда я похожа на его первую жену Камиллу Донсье, с картины 'Камилла в японском кимоно'?

Сокольников не был ценителем и знатоком живописи, но, как ни странно, он помнил это полотно. Рыжая дама в цветастом красном кимоно и с веером. Но Камилла совсем не напоминала ему Анечку. Скорее она была похожа на его Оленьку. Да, такая же частично напускная, частично естественная детскость в лице. И легкость во всем необыкновенная. 'Все вы, милые женщины, на первый взгляд, неземные существа, а на поверку – расчетливые, меркантильные биржевые маклеры. Сильные, безжалостные тигрицы, способные за добычу на все'. Он убеждался в этом не раз.

-Похожа, – соврал Сокольников.

-А ты меня еще любишь?– неожиданно спросила она.

Вот тебе и раз. Вопросик. Когда-то думал, что любит. А теперь какая может быть любовь? Ученые доказали, что любовь – болезнь и, слава богу, он давно избавился от нее как от ветрянки.

Поправив на плече ремень от портфеля, честно ответил:

-Нет.

-Но какие-то чувства остались?

-Зачем тебе?

-Интересно. У нас ведь было много хорошего.

'Хорошего, – ухмыльнулся мысленно Сокольников. – Ничего хорошего припомнить не могу. Измяла душу, как тряпку и ушла к другому. Или я сам себя измял. Неважно, с тво-

ей же подачи'.

-Наверное. Было.

Неожиданно подкатила жуткая обида на неё. Он вспомнил все свои переживания и страдания, которые в одно мгновение заполнили каждую клетку его тела. Заполнили словно ядом. Начали разъедать. 'Хватит на сегодня, вечер воспоминаний пора заканчивать'. Сокольников знал, что об этом пожалеет, и все же сказал:

– Очень тороплюсь. Мне действительно нужно по делу. Ждут в редакции. Снимал сюжет, а выдавать завтра. Рад был тебя увидеть.

Анечка рассмеялась, и что означал этот смех, наверное, не знала она сама. Во всяком случае, так показалось Сокольникову. Он пожалел гораздо раньше, чем думал. Испугался, но обратной дороги уже не было. 'Предположим, я останусь. К чему приведет этот бессмысленный разговор? Ни к чему. Сорвавшиеся с орбиты спутники целыми на Землю не возвращаются. Чушь, чушь! Причем здесь спутники?'

-Ну, пока, – сказал он с лицом, приговоренного к виселице.

Захотелось на прощание прикоснуться к ней. Непонятно для чего. Но он этого не сделал, взял в охапку портфель, будто боялся разбить в нем что-то ценное, накинул капюшон Аляски. Дождь вновь перешел в крупный снег. 'Матрасы что ли на небе дерут?' Направился к трамвайной остановке и тут же провалился правой ногой в огромную лужу. Почувство-

вал, как вода проникает внутрь ботинка. Чертыхнулся, нелепо затоптался на месте и под воду ушел другой ботинок. Он ощущал, что ему в спину смотрит Анечка и смеется уже не беспричинно, а над его неуклюжестью.

Выбравшись из лужи, оборачиваться не стал. Ушел, значит ушел. Противно было и физически и морально. 'Ведь я ее больше никогда не увижу, – вертелось в голове. – Удача капризная дама, два раза предложений не делает. Капризная и пугливая. Размечтаешься о чем-то хорошем, никогда не сбудется, все получится наоборот. А не ждешь ничего доброго, нате вам, пожалуйста. Тут, главное не прозевать. Во-время воспользоваться моментом. Но беда моя в том, что я никогда не могу сделать правильный выбор'.

По рельсам тяжело прогрохотал трамвай. Навстречу ему еще один. Встал на остановке, хотя нужно было идти к мед-центру по Пятницкой улице до второго переулка.

-Подожди, – раздался Аничкин голос совсем рядом, будто все это время она шла за ним по пятам.

-Что еще?– неприветливо отозвался Сокольников, не зная радоваться ему или огорчаться. 'В самом деле, сколько можно прощаться!'

-Ты хочешь её опять увидеть?

Сокольников не понял:

-Кого?

На её лице появилось недоумение.

-Камиллу в кимоно, конечно.

'На кой черт мне сдалась тетка в кимоно? Никого и ничего мне не надо, оставьте только в покое'.

Однако Сокольников этого вслух не произнес. Вздохнул, более остро ощутил сырой холод в ботинках.

-Хочу, очень хочу. Только я не понимаю...

-Тогда вот что, – взяла его за рукав Анечка. – Если сможешь, приезжай ко мне в субботу в Камышёвку. Я выходные на даче провожу. Воздух, тишина, покой. Помнишь, где дом находится?

Еще бы, не помнить... Когда её прогнал тот другой, говорят, среди ночи, полуголую, она спуталась с каким-то дипломатом. Дача у него была в Камышевке. Однажды Анечка напилась пьяной, и такой ее застал Сокольников в одной из комнат редакции. В теплой компании. Глянул на батарею бутылок, собрался уйти, но подруга Анечки его остановила. 'Девушка совсем никакая, оставлять её здесь нельзя. Ты один за рулем, отвези домой по старой дружбе'. 'Дружбе, – хмыкнул Сокольников, – когда это было и во что вылилась? На кой мне эта пьяная кукла, пусть сожитель и забирает'. Но он тогда еще любил Анечку, во всяком случае, считал так, поэтому сказал после недолгих колебаний: 'Тащите к моей восьмерке, справа от входа в телецентр. Буду через десять минут'.

По дороге в Железнодорожный, а Анечка жила именно там, она несла всякую чепуху. Сокольников был зол на себя за то, что согласился. Но где-то внутри жила подлая надежда

на возобновление отношений. На подъезде к городу, Анечка заартачилась. 'Меня мать дома убьет. Ты же не хочешь моей смерти? Отвези в Камышевку. От станции поворот направо, по дороге через лес километров пятнадцать, в деревне пятый дом слева, прямо над рекой'.

Сказала и отключилась. Сокольников долго глядел на нее со смешанными чувствами. 'А что, может быть, было бы и лучше, если б ты умерла'. Посмотрел карту, взял курс на Камышевку. Дом под зеленой андулиновой крышей нашел сразу. Вытащил смеющуюся Анечку, посадил на скамейку возле калитки. Ничего не сказал, резко взял с места и гнал до Москвы, не разбирая дороги. Спидометр иногда зашкаливало. Как ни странно, Сокольникова не остановили ни на одном посту ГАИ. С тех пор Анечку он видел крайне редко, пока она окончательно не исчезла с его горизонта.

-Ладно, приеду, – неприлично быстро согласился Сокольников. – А муж?

-Объелся груш. Так приедешь?

-Сказал же.

Теперь можно было и погрубить. Анечка воззрилась на него острым, принизывающим взглядом. Да, да, птичьим. Эти птицы в ней часто менялись. Теперь это была, скорее, сорока.

Заходя в медицинский центр, Сокольников о боли не помнил. Она куда-то делась. словно испарилась вместе с Анечкой. 'Что это было, для чего это было?' Он думал только о

ней, и именно она наполняла его всего, а не болезнь. Рассказывая о своих проблемах врачу, он часто улыбался, на душе было легко и свободно, в груди разлилось тепло, будто напился топленого молока. Жизнь обрела какой-то сомнительный, но определенный смысл.

Несколько дней он, конечно, спорил с собой – ехать в Камышевку или нет, но знал заранее вполне определенно, что обязательно поедет. Утром в субботу встал ни свет, ни заря, тщательно выбрился, помылся и уже вначале восьмого отправился на Казанский вокзал. А еще через час полусвободная электричка уже уносила его к ней, в Камышевку. Машины не заводил, знал, что напьется.

Они сидели возле жаркого камина в широких удобных креслах. Анечка плотно укуталась в коричневый шерстяной плед. Рядом с ними, на журнальном столике стояли запеченная курица, несколько бутылок красного вина, два наполненных бокала и две зажженные свечи. Молча глядели на горящие свечи, курили, потягивая вино. На душе Сокольникова было благостно. Он удобно устроился в кресле, вытянув вперед ноги в глубоких домашних тапочках. О прошлом не вспоминали, и это радовало Сокольникова, зачем копать в том, что неприятно обоим?

Перед ним была она и не она. На Новокузнецкой как-то и не разглядел. Внешне изменилась сильно, скорее похорошела. Куда-то утекли с лица резкие черты. Косметикой теперь Анечка пользовалась грамотно, осторожно. 'Прошло время

бабочки, брачного периода, со всеми вытекающими переменами'. Да и в фигуре явные изменения. Во всяком случае, он не замечал в ней больше ничего угловатого, отталкивающего. А вот сама Анечка осталась прежней. Это и понятно – люди, по сути, не меняются никогда. Меняются их взгляды, мировоззрение, поведение, восприятие мира, но стержень всегда тот же. От рождения до смерти. Генетическая конструкция неизменна.

В просторной комнате мебели было немного, почти вся из голландской 'Икеи'. Как и у него на даче. Разве что большой кожаный диван у окна привезли явно из какого-то офисного магазина. В другие комнаты Сокольников не заходил, на второй этаж не поднимался, но был уверен, что и там похожий дизайн.

Сосновые дрова потрескивали в камине, иногда отстреливая на желтый палас крохотные угольки. Пахло лесом, смолистым дымом. Анечка взяла бокал, сделала большой глоток.

-А ты помнишь Светлицкую из монтажной аппаратной?

Сокольников никогда не знал монтажеров по фамилиям. Даже имена часто путал.

-Такая блондинка высокая, плотная, с родинкой на губе, – уточнила Анечка.

-Да, кажется, припоминаю.

-Умерла. Сорок два года.

Уточнять от чего умерла Светлицкая, Сокольников не

стал. К чему эти подробности? Смерть всегда рядом. Кто бы мог подумать, что внезапно, от воспаления легких умрет его тридцатилетний оператор Миша Заметин. Сколько хороших сюжетов сняли вместе! Сколько говорили о жизни и смерти! Вдруг простуда и нет человека.

-А теперь сюрприз!— скинула с плеч шаль Анечка, глотнула еще вина, засмеялась. – Только ты не подглядывай, – сказала она у двери в другую комнату.

Над дверью висели сразу двое часов. Одни – старинные ходики в виде кошачьей морды с бегающими глазками, другие современные, электронные. Видимо, жалко было расставаться с памятью о ком-то. Или о чём-то. Сокольников заметил, что Анечка отсутствовала ровно три минуты.

Наконец она появилась. На ней было пестрое, красное одеяние до пола, то ли в цветах, то ли в птицах. Одной рукой Анечка обмахивалась трехцветным веером, в другой, прижимая к бедрам, держала широкую раму, покрытую тряпкой. Поставила её на стол, загадочно улыбнулась, сдернула завесу.

Он увидел картину. Сразу узнал ее. Клод Моне, 'Камилла в японском кимоно'. Анечка приняла такую же позу, как на полотне французского художника. Загадочную, обворожительную.

-Правда, мы похожи?– в очередной раз рассмеялась она.

-Копия?– не ответил на вопрос Сокольников.

-Обижаешь. Подлинник.

Спорить не хотелось. 'Подлинник, так подлинник, хотя откуда он тут возьмется, в забытой богом Камышевке?'

-Где раздобыла?

-Места надо знать, – произнесла Анечка банальную фразу. – Подпись видишь?

Внизу картины Сокольников разглядел автограф. 'Клод Моне, 1876 год'.

-Это ни о чем не говорит. Я не искусствовед, но в Живерни тоже висит копия, гид говорил, что подлинник находится в США, в музее изящных искусств. К тому же, если мне не изменяет память, он два с половиной метра на полтора, а тут...

-Какая разница, что вам там говорили! И дело не в размере, а в сути. Ты согласен?

-Согласен, разумеется.

Хотел тут же возразить, правда, не зная что, но Анечка постучала веером себе по губам, давая понять, чтобы он молчал. Поставила картину на стол у стены, так чтобы ее можно было хорошо видеть. Села рядом, налила себе вина. Закурила.

-Мы с ним прожили два года, – сказала Анечка и надолго замолчала, видимо, собираясь с мыслями.

С кем 'с ним', Сокольникову уточнять было не нужно. Ясно, что с тем дипломатом. Допив свое Кьянти, она продолжила:

-Однажды он избил меня до полусмерти. И оставил здесь

одну без сознания. Очнулась вся в крови. Я не помню, как пешком добралась до местной больницы. На следующий день у меня случился выкидыш. Пятимесячную девочку не спасли. Врачи, видя в каком я состоянии, вызвали милицию. Следователю я сначала сказала, что ничего не помню, но обида так раздирала меня, что я во всем созналась. лейтенант предложил написать заявление, и я это сделала. Через неделю появился он. Умолял, даже стоял на коленях среди палаты, чтобы я забрала заявление. Иначе, мол, его дипломатической карьере придет конец. А он собирался ехать то ли вторым, то ли третьим посланцем в какую-то африканскую республику. Даже не думала, что его могут посадить. Я не хотела с ним разговаривать больше никогда. И дело не в побоях. В предательстве. Моральном. А предательство прощать нельзя. Ты со мной согласен?

Сокольников ответил что-то невразумительное, а сам подумал: 'Ты, Анечка, можешь любого довести до помутнения рассудка'. -Вскоре он появился снова. С букетом роз, в дорогом костюме. Весь такой в одеколоне. Начал сходу: 'Я понимаю, что между нами все кончено. Ты меня не простишь.

Сам виноват. Предлагаю такой вариант: я на твоё имя переписываю дачу и даю полтора миллиона рублей. Ты забираешь заявление'. 'Почему же только полтора? Неужели на два я не тяну?' 'Хорошо, хорошо, дам тебе в придачу, – он зашептал мне на ухо, – один шедевр. Его аукционная стоимость – сотни тысяч долларов, а то и миллион. Подлинная

картина Клода Моне'. Я, конечно, спросила – откуда она у него. По его словам, Моне написал несколько картин своей жены Камиллы в одеянии японской гейши. Одну специально для парижского художественного рынка и продал ее за 2000 франков. Другое полотно уничтожила сама Камилла. Что-то ей не понравилось. Третья осталась у Моне. В 20-ом веке эта картина попала в Германию. Во время войны ее обнаружил в каком-то замке советский полковник, он же пращур моего благоверного. Тайно вывез в Союз. Я размышляла над его предложением дней пять. Хотелось наказать муженька, но подумала – и что я с этого получу, моральное удовлетворение? А тут дача, деньги да еще картина. К тому же пришел следователь, стал намекать, что дело это семейное и неплохо было бы его разрешить мирным путем. Я сразу поняла – муж зарядил мента деньгами, но выдержала паузу. А потом согласилась, с условием, что он немедленно, прямо в больницу, приведет нотариуса, который составит все необходимые бумаги. К вечеру в палате нотариус уже был. В документах ничего о картине, конечно, не говорилось. Но я предупредила мужа, что как человек осторожный, предприняла защитные меры. Не хочу, чтобы со мной что-то неожиданно случилось. А потому весь наш разговор я записывала на скрытое видео. Мало того, поместила запись на сайт одной социальной сети. Пароль знаю только я и мои надежные друзья. Если со мной что-нибудь произойдет, запись будет опубликована. Чем я не Лисбет Саландер?

-Да уж, – только и нашелся, что сказать Сокольников.

-Так мы и расстались. Теперь у меня есть дача и эта картина.

И больше ничего, хотелось добавить Сокольникову, но промолчал. Подошел к полотну, еще раз внимательно всмотрелся в подпись. Краска потрескалась, может, действительно 19-й век? Впрочем, какая разница, что мне до этой картины.

Она накинула на плечи шубу, влезла в валенки, извинившись, вышла во двор. Туалет и душевая находились отдельно, метрах в двадцати от дома. Тоже мне, Моне, – посетовал на бывшего мужа Анечки Сокольников, – не мог сортир в избе сделать.

Дверь в соседнюю комнату оказалась приоткрытой. Немного посомневавшись, вошел внутрь. Обстановка была в ней, как он и предполагал, такая же, икеевская. У окна – широкая кровать, застланная полосатым покрывалом. Над изголовьем светильник. Рядом с кроватью стоял большой комод. На нем ее фото в рамке с каким-то мужчиной. Сокольников сразу понял кто это. Муж.

Странно, – задумался он. Обычно после разрыва отношений такие фотографии уничтожают. По крайней мере, не держат на видном месте. Машинально Сокольников выдвинул верхний ящик комода. Внутри него находилось еще с десяток изображений супруга, только мелких. И вдруг он понял- Анечка до сих пор любит этого упыря! А на мировую

она не пошла только из-за своего упрямого характера. Для чего же она меня пригласила? Рядом с фотографиями лежала уменьшенная репродукция еще одной картины Моне. Сокольников не мог ее не узнать, потому что в Живерни вместе с 'Японкой' он видел и ее. 'Камилла на смертном одре'. Страшное, словно подернутое льдом изображение. К чему бы это?

-Интересно?— раздался голос сзади.

Опять! Ну как она любит незаметно подкрадываться!

Было очень неловко, Сокольников не знал что сказать. Анечка взяла из его рук портрет, вернула на комод. Приложила палец к губам Сокольникова:

-Не надо, ничего не говори. Все уже сказано.

Она начала раздевать его и раздеваться сама.

До этого у них никогда не было близких отношений. Сокольников понимал, что это неправильно, и все же вел себя таким иезуитским образом. Она была ему дорога и он почему-то боялся испортить сексом их отношения. Как он потом понял – это была его главная ошибка, та причина, по которой Анечка ушла сначала к 'другому', а потом и к дипломату. Если женщина здорова, ей непременно нужен мужчина во всех отношениях, чтобы она не говорила.

Начало смеркаться. Он закурил прямо в постели. Она лежала к нему спиной, уткнувшись носом в щель между кроватью и стеной. Хотел заговорить, но не стал. На душе было как никогда хорошо, наполнено, осмысленно. Именно этого

он, видимо, хотел тогда, давно, но так ничего и не получил.

Встал, надел тапочки, прямо на голое тело накинул ее шубу, вышел на улицу. На низком небе застыли серые тучи. Над лесом, который находился недалеко от дома, сыпал снег, а здесь было чисто и безветренно. По деревянной дорожке отправился в туалет, но уже дойдя до него, решил непременно принять душ. Бывший муж Анечки позаботился об электрическом котле, который исправно снабжал и дом и душевую горячей водой.

Я даже не спросил, как его зовут, – растирал по лицу горячие струи воды Сокольников. – Хотя, какая разница. Анечке он определенно еще нужен, только вот зачем понадобился ей я? Картины Моне. Камилла живая и мертвая.

Неожиданно Сокольникову стало холодно, он прибавил горячей воды. Мертвая, черт возьми. Боже, неужели...? Наскоро вытерся, выскочил во двор. Уже навалились густые сумерки, но снег так и не пошел. Ватная стена по-прежнему висела над лесом. Со стороны дороги горели неяркие фонари.

Быстро пошел к темному дому, в прихожей включил свет, потом нащупал выключатель в комнате. Она сидела в кресле в цветной накидке гейши. Возле ног – раскрытый трехцветный веер. Руки скрещены на животе, голова склонена на бок. На журнальном столике Сокольников сразу увидел распотрошенную пачку феназепамы и высокий стакан с вином. Подскочил, схватил Анечку за лицо, оттянул веки. Или глу-

бокий сон или кома, или... Об этом даже не хотелось думать. Пачка транквилизатора была почти пустой. Не зная, что делать, стал трясти Анечку, бить по щекам. Она ни на что не реагировала. Руки его тряслись, голова кружилась. Наконец схватил мобильник, набрал '03'.

Так и сидел напротив Анечки с мокрой, непричесанной головой. Мозги, казалось, вот – вот разорвутся. Медики, как ни странно, появились через десять минут.

-Вам повезло, – сказал высокий врач в очках, заходя в комнату. – Мы были по вызову на станции. Какой-то тип под электричку прыгнул. Что у вас здесь? Транквилизаторы. Понятно. Пульс нитевидный. Давайте в машину.

Сокольников быстро надел куртку, собрался тоже садиться в реанимобиль. Врач его остановил:

-А вы останьтесь. Сейчас полиция приедет. Вдруг это вы ей лекарства в вино подмешали. Так что ждите.

Анечку быстро загрузили в машину. Сокольников задал странный, как ему показалось, вопрос:

-Жить будет?

Врач пожал плечами:

-Откуда я знаю. Надейтесь.

-Куда повезете?

– В Куровское.

Он метался по дому, как раненный зверь. Съездил в гости! Ну, Анечка! Ну, спасибо! Вот какую неожиданность ты

мне приготовила. Опять использовала. Другого подходящего свидетеля для ухода в мир иной не нашла. Вовремя я тебе подвернулся. Гейша, черт бы тебя побрал!

На стене забили ходики. Один глаз на кошачьей морде не вращался.

Сейчас полиция появится, а тут картина Моне. И Анечка почти богу душу отдала. Почти... Хм... На кого подумают? Конечно на меня. Из-за картины, скажут, и решил угробить. Не отмашешься! Могут и в клетку посадить.

Схватил картину, обмотал тряпкой, лихорадочно начал искать, где ее спрятать. Подпол! Нашел люк в коридоре, рванул за железное кольцо, опустил в черную пустоту историческое полотно. Оно упало с грохотом, треском, вероятно, сломалась рама.

Полиция тоже не заставила себя ждать.

-Вам повезло, – сказал следователь. – Мы были по вызову на станции.

-Знаю, – перебил его Сокольников. – Кто-то под паровоз прыгнул.

-Откуда такая осведомленность? А вы кем, собственно, приходитеесь пострадавшей?

Долго, путано объяснял Сокольников откуда и для чего он здесь появился, не зная сам толком ответа на вопрос 'для чего'.

По лицу следователя было заметно, что он не верит ему.

-Вы ее били?– спросил он.

-Зачем?

-Не знаю. Какой-нибудь конфликт, ссора.

-Мы не ругались.

-Почему же она отравилась?

-Спросите у нее.

-Спросим, если выживет. А вы молитесь, чтоб не померла. Очень некрасивая история. Для вас.

-Да уж, ничего хорошего.

-Вот и я говорю.

Бессмысленный разговор или допрос продолжался еще как минимум час. Хорошо, что у Сокольниковца оказался с собой паспорт. Лейтенант полиции записал все его данные, номера телефонов. Подписку о невыезде брать не стал, но посоветовал никуда не отлучаться из Москвы.

Оставшись в пустом доме, Сокольников первым делом выпил вина. Стены, мебель, разбросанные по комнате вещи казались ему неестественными, декорациями к какому-то виртуальному спектаклю. Он не мог поверить в случившееся. Да, главное, чтобы она выжила. А там я из нее сам душу вытрясу. Дрянь!

Сидеть в доме было невыносимо. В шкафу нашел две фляжки коньяка, сунул их в портфель. Проверил кошелек. Деньги на месте. Зачем проверял, не понятно. Не Анечка же их могла взять? А врачи и следователь всегда были на виду.

Подтянул поясной ремень, доверху застегнул молнию на

куртке, крепко зашнуровал ботинки, словно собирался в дальний поход. Ключей нигде не нашел, входную дверь просто плотно прикрыл. Полиция! Хоть бы дачу опечатали. Заходи, кто хочет, бери что хочешь. А тут Моне... чтоб он провалился.

Вышел на дорогу и через лес, спотыкаясь впотьмах, пошел к станции.

Больница в Куровское оказалась на краю города. Но не возле станции, а с противоположной стороны. Шагать пришлось долго. Сокольников даже не спросил, как проехать до больницы на автобусе. Снег сыпал и сыпал, наметая огромные сугробы. Наконец, по припаркованным каретам скорой помощи понял, что у цели.

В приемном покое никого из персонала не оказалось, в справочной тоже. Сел рядом с окном на стул. Напротив, на широкой скамье под чахлой пальмой лежал бомж, тихо стонал в нечесаную бороду. На соседней лавке сидела женщина, тоже бомжеватого вида, с полотенцем на голове.

Не заметил, как задремал. Кажется, даже приснился какой-то сон. Его окликнула пожилая медсестра в синем мятом халате и вязаном берете. Назвал фамилию Анечки. Медсестра долго водила пальцем по журналу, потом громко общила:

-В реанимации. Состояние тяжелое.

-А когда... Когда будет известно что-то более конкретное?

-Завтра приходите или позвоните.

-Завтра. А раньше?

-Мы тут не Кашпировские, предвидеть ничего не можем.

-А Кашпировские могут?– задал неуместный вопрос Сокольников.

Медсестра только пожала плечами.

Долго бродил по городу, затем сидел в обычном провинциальном кабаке. Под блатные, тянущие жилы и душу песни ковырял вилкой селедку, пил явно паленую водку. Заведение закрылось только под утро. Все это время Сокольников томился вопросом: зачем подставила его Анечка?

Вернулся в больницу часов в семь. Бомж по-прежнему спал под пальмой. Скамейка рядом была свободна. Пристроился, тут же отключился. Разбудили громкие голоса. Кого-то тащили на носилках, а пациент кричал и ругался матом на санитаров. Часы показывали начало десятого. Дежурная в справочной сменилась. В окошке сидела толстая тетка в ватнике, пила чай с баранками. Она собирала ладонью крошки со столика, отправляла себе в вульгарно накрашенный рот. Поинтересовался о состоянии здоровья девушки, которую накануне определили в реанимацию.

-Крупная такая? С чем поступила?

-С отравлением, – уточнил Сокольников.

-Умерла.

-Как?!

-Как здесь люди умирают? Тихо. Оформляйте докумен-

ты, тело из морга можете забрать завтра. Вы же родственник?

На ватных ногах отошел в сторону, сел на голову бомжу. Тот застонал. Это конец! Теперь засудят. Не могла в другом месте танец гейши исполнить!

Он видел перед собой мир и не видел. Пошатываясь, дошел до выхода, открыл дверь, втянул носом воздух, насыщенный корвалолом и еще какой-то медицинской дрянью. Достал из портфеля флягу коньяка. Не обращая ни на кого внимания, влил в себя полбутылки. Сзади хлопнула дверь.

-Коньяк по утрам – признак последней стадии алкоголизма.

Поперхнулся. На него смотрели острые птичьи Аничкины глаза. На плечи было брошено синее драное пальто. Открыл рот, не зная, что сказать.

-Давай зайдем внутрь, а то я точно умру. От холода.

Не убирая бутылки, вернулся с Анечкой в больницу.

-Ты же... умерла. Мне тетка сказала.

-Плюнь на нее. Наверное, с кем-то перепутала.

Сделал еще пару глотков. Мысли начали приходить в порядок. Отчаяние чередовалось со злостью.

-Зачем ты это сделала?

-А-а. Долго объяснять, – рассмеялась она своим дурацким, непонятным смехом от которого у Сокольниково сделалось холодно в животе.

-Ты же меня под монастырь могла подвести!

-Ага, обо мне, значит, не подумал, только о себе.

-Это же ты все придумала и исполнила, а не я!– закричал Сокольников на всю клинику. – Как ты могла?! Хочешь на тот свет? Пожалуйста, но я-то здесь причем?

-Да ни при чем ты, успокойся. Ну, понимаешь, у меня такое состояние...

-Стерва! Опять решила меня поиметь. Раньше пользовалась, как половой тряпкой и теперь! Под руку попался. Конечно, разве можно упускать такой случай!

-Прости, Сокольников.

Анечка неожиданно опустилась перед ним на колени.

-Прости, мне очень плохо.

-Да пропади ты пропадом со своим припадочным дипломатом!

Из каморки выползла медсестра.

-Что здесь происходит, почему шум в больнице?

-А ты вообще иди к черту!– оскалился на нее Сокольников. – Чтоб ты баранками своими подавилась!

Размахнулся, швырнул в сторону тетки недопитую коньячную флягу. Бутылка разлетелась об угол стены, накрыв осколками весь приемный покой. Медсестра захлопала руками по толстым бокам:

-Полиция!

Сокольников ухватил все еще стоявшую на коленях Анечку за воротник.

-Видеть тебя не хочу, не птица ты, жаба.

Пнул входную дверь, выскочил на улицу. Полез, не глядя,

через сугробы. Выбрался на дорогу у приземистого серого здания, из которого выносили гроб. Сплюнул, перекрестился, направился в другую сторону. Гадость, кругом гадость.

В центре города поймал такси. Шофер заломил до Москвы баснословную сумму. Не торгуясь, сел на заднее сиденье. 'Пожалуйста, быстрее'. На шлагбауме у станции встали. Когда загорелся зеленый семафор, на переезде застрял грузовик. Сзади образовалась пробка. За двадцать минут Сокольников выкурил полпачки. Водитель смотрел на него в зеркало недоуменно, но ничего не спрашивал.

Конечно, он был зол на Анечку. И все же что-то его мучило, терзало, сдерживало.

-Ладно, приехали, – сказал он шоферу.

Бросил под лобовое стекло несколько синих купюр, хлопнул дверью машины. Через открытое окно шофер что-то крикнул ему в след, но Сокольников только отмахнулся. Направился к станции вдоль железной дороги и вскоре оказался в том же ресторане, где сидел ночью. Велел принести жареную курицу, телячьих котлет, салат оливье, маринованных грибов, хорошей водки. На него напал нездоровый аппетит.

Анечка, – разговаривал он с ее образом, будто она сидела напротив, – что же тебя толкнуло на этот поступок? Нужно ведь было дойти до последней черты, чтобы решиться на такое. Пустота, отчаяние, безысходность. Да, видимо, так. Стал ли я причиной твоего злого поступка? Нет, скорее по-

служил катализатором. Я попался тебе случайно. Но ты не забыла, что я всегда относился к тебе внимательно, серьезно и именно передо мной ты решила исполнить свой последний танец. Ты восприняла меня, как знак судьбы. Разумеется, ты поступила подло, подставив меня. Не могла не понимать, что я буду мучиться всю жизнь. Дрянь... В тоже время ты доверила мне свою смерть. А это не менее ответственно, чем доверить жизнь. Стоп. А может ты и не собиралась умирать, а только играла в придуманном тобой спектакле роль Камиллы? В любом случае тебе сейчас плохо, очень плохо, гораздо хуже, чем мне. И бросать тебя нельзя. Нельзя... Что же делать? Вернуться и сказать, что все прощаю. А дальше? Я не смогу залечить твои раны, наполнить душу новым смыслом. Потому что, по большому счету, и сам потерялся. Не знаю, не знаю, ничего не знаю и не понимаю.

Когда мысли Сокольникова срывались с языка он не замечал. Официанты с опаской поглядывали на него. К вечеру он крепко напился, подсел к бритоголовым парням. Что-то говорил. Они не вникали в слова Сокольникова, с ухмылками кивали, косились на его кожаный портфель.

Он вышел на улицу, когда было совсем темно. Ветер сдувал с шеи длинный кашемировый шарф. Он вправлял его концы в куртку, но они выпадали снова. Ноги постоянно проваливались в ледяную жижу. Сокольников знал куда идет. В больницу, к ней.

Три темные тени появились на дороге, когда он собирался свернуть на центральную аллею, поймать у памятника Ленину машину.

Очнулся Сокольников в больнице на той же лавке под пальмой, на которой утром валялся бомж. Все тело ныло, в голове шумело, как на морском берегу, подташнивало. Над ним возвышалась та самая тетка, что утром кушала баранки.

-Что со мной?— попытался сесть он на лавке.

-А ты на себя в зеркало посмотри, – ехидно ответила медсестра. – Хорошо люди добрые принесли, а так бы замерз в сугробе.

С трудом приподнялся, медленно доковылял до зеркала у входа. На лбу окровавленный бинт, под обоими глазами синяки, нос расцарапан. На подбородке ссадина. Был он в грязном джемпере, без куртки и сапог. Тут же ощупал нагрудный карман рубашки. Паспорт, слава богу, на месте. Огляделся. Портфеля нигде не увидел.

-Полицию будем вызывать?— спросила тетка.

-Зачем?

-Положено в таких случаях. Тебя ограбили и избили, не понял еще?

-Догадываюсь.

-Значит, мозги целы.

-Не надо полиции. Хватит уже.

-Часто у них бываешь? Ну-ну. А я тебя узнала, это перед

тобой отравленка на коленях стояла.

-Как она?

-Так и быть, сейчас позову. Видно, у вас там что-то серьезное. То она таблетки килограммами глотает, то ты с проломленной головой объявляешься.

Силы возвращались, но стоять было тяжело. Опустился на лавку. В груди закололо. 'Возможно, ребро сломано'.

Анечка появилась как всегда незаметно. Сначала он почувствовал пряное дыхание. Открыл глаза. Ее взгляд на этот раз был абсолютно нейтральным. Анечка не стала спрашивать, что произошло.

-Кто же так перевязывает?– укорила она медсестру. – Бинт, пластырь есть?

-Скажи спасибо, что первую помощь оказали. У него ни полиса, ни денег. Вон процедурная открыта, там все есть.

Аккуратно взяв Сокольникова под локти, Анечка повела его в процедурную. Он никогда не думал, что у нее такие добрые, мягкие руки. Аккуратно сняла старый бинт, обработала все раны, заново перевязала. В этот момент Сокольников был опять счастлив. Даже слеза навернулась. Анечка, милая Анечка, какая же ты хорошая, почему так долго тебя не было со мной?

Она оттерла теплой водой его брюки, джемпер, вытребовала у медсестры тапочки. Когда все было сделано, все же спросила:

-Что случилось?

-В ресторане поужинал.

-А-а. Это мне нужно было вместо тебя туда пойти. Таблетки бы не понадобились.

-Почему ты это сделала?

-Не знаю.

Больше ни о чем не говорили. Анечка сбегала в палату, забрала вещи. Попросила у медсестры верхнюю одежду.

-Без выписки врача выдать не могу. Или пиши отказную бумагу от лечения. Отравятся, а потом бегают как ужаленные.

В потайном кармашке брюк Сокольников обнаружил НЗ. Несколько тысяч рублей никогда не помешают, убеждался он не раз. По поводу пропавшего портфеля особо не переживал, не было в нем ничего важного, так пара текстов, которые легко было восстановить с компьютера. Разве что мобильник, так его давно пора следовало поменять. Жалко было куртку – Аляску, но Сокольников утешал себя тем, что это не самая большая потеря в жизни. Обращаться же в полицию смысла не имело. Мало того, что продержат неизвестно сколько, так еще припомнят 'драму на даче'. К тому же, вряд ли что-нибудь найдут. Сам виноват, нечего было напиваться до лунной пыли.

Медсестра позволила воспользоваться городским телефоном, вызвать к больнице такси. Машина приехала через пару минут. Быстро у них тут все, – подумал Сокольников, – и обслуживают и отоваривают, молодцы.

Ехали в теплой Мазде через плотную пургу. Анечка прижималась к нему всем телом, обеими руками держалась за локоть, голову положила на плечо. Иногда шептала: 'Прости меня, прости. Я больше так никогда не буду. Веришь?' Сокольникову хотелось зацеловать ее... до смерти.

У крыльца стоял серый Патфайндер. В доме горел свет, не приглушенный настенный, яркий верхний. Анечка выпрямилась, напряглась. В ее глазах вспыхнуло что-то иное, радостно напряженное. Заерзала на продавленном сиденье. Попыталась сразу выбраться из машины, но дверь с ее стороны оказалась заблокированной.

-Да открывайте же скорее, – крикнула она шоферу.

Во рту Сокольникова сделалось сухо, голова заболела еще больше. Он почему-то сразу догадался, кто приехал и отчего волнуется Анечка.

Выпустил ее из машины вслед за собой, расплатился, побрел за ней к дому. Анечка взлетела по ступенькам крыльца синицей. Казалось, она забыла про Сокольникова. Ему сразу захотелось развернуться и уйти куда глаза глядят.

У камина с бокалом вина стоял высокий мужчина в темном костюме и офисных лаковых ботинках с узкими мысами. Чисто выбритое лицо, утиный нос, густые брежневские брови, маленький овальный подбородок, гладкий и белый как яйцо.

Мужчина переменял позу и Сокольников разглядел тща-

тельно зачесанную редкими волосами лысину на макушке. Это о многом говорит. Мужик, скрывающий свои физические недостатки, обязательно страдает комплексами неполноценности.

Увидев Анечку, мужчина вместо приветствия, поднял вверх бокал. На его безымянном пальце блеснул большой перстень с желтым камнем. А вот еще один комплекс, – заметил Сокольников, – нарциссизм. Э-э, да мужик болен на всю голову. По лицу неизвестного гостя бегали серые тени, отчего оно постоянно меняло выражение и трудно было понять, чего выражает.

-Что ты здесь делаешь?– спросила Анечка. И Сокольников не заметил в ее голосе никакого раздражения. Более того, в нем звучали игривые нотки.

-А я знал, что с тобой все будет в порядке, – не ответил на прямой вопрос мужчина.

-Что ты знал?

Анечка прошла в комнату, остановилась возле журнального столика.

-Мне позвонил следователь. Тот самый, ну что дело наше вел.

-Он приходил ко мне в больницу. Когда узнал, что я жива и здорова, обрадовался – ему проблем меньше. – Анечка по-кошачьи стала обходить бывшего мужа. Тот самодовольно улыбался. – Знал, значит. А что тебя сюда-то привело?

-Волновался.

Анечка заразительно рассмеялась.

-Почему тогда в больницу не приехал?

Вопрос, похоже, озадачил дипломата. Но он быстро нашелся:

-Собирался. Вначале дом решил проверить, все ли цело.

-И как?

-Видишь ли... Я тут осмотрелся. И не нашел... Картину, ну ту, что я тебе подарил.

– А вам-то теперь какое дело до картины?– подал голос Сокольников. Его стало раздражать то, что на него не обращали внимания, будто он невидимка.

-Кто это?– мужчина поставил бокал на столик. – Ты уже с бомжами путаешься?

-Не твое дело, Пашенька, с кем я теперь путаюсь, – ответила Анечка. По-прежнему в ее голосе не было никакого раздражения. – Человек в аварию попал. Устраивает?

-Соболезную. То есть, сочувствую. А откуда вы, собственно, знаете про полотно?

Оказывается, этого жлоба зовут Пашенька.

-Не ваше дело.

Сокольников прошел к камину, взял бутылку, наполнил до краев бокал. Залпом выпил. Физический и моральный стрессы лишили его всякой сдержанности.

-Я рассказала. И даже показала, – сверкнула соколиным глазом Анечка.

Пашенька взял с кресла японское кимоно, развернул,

взглянул зачем-то через тонкую ткань на огонь. Задумчиво сказал:

-Понимаю. И все же, где картина?

Вот для чего ты сюда приперся, Паша. Узнал, что бывшая женушка на тот свет собралась, и тут же решил вернуть ценное полотно. Эту мысль Сокольникова озвучила Анечка:

- Поэтому ты здесь. Может, я картину продала.

Дипломат пожал плечами, поправил воротник рубашки. Сокольников заметил, что Паша начинает нервничать.

-В России это невозможно.

-Почему же?– налил себе еще Сокольников. – Я и купил.

Анечка вытаращила не него теперь сорочьи глаза. Захихикала, потом рассмеялась:

-Да, правильно. Я ему продала.

-Бомжу? Только не надо про аварию.

Никогда Сокольников не замечал за собой агрессивности, но тут был особый случай. Во всех отношениях. Он подступил к Паше, подтянул на голове окровавленный бинт, потер пальцами синяки.

-Я сейчас из вас бомжа сделаю. Гони его, Анечка, отсюда.

-Зачем же гнать?– неожиданно сказала Анечка. – Раз уж приехал, милости просим к нашему шалашу. Посидим, потолкуем. Как живешь, Пашенька?

Дипломат обрадовался такому повороту, сразу принял игру. Но Сокольникову показалось, что Анечка не играет. Нет, недаром у нее в тумбочке лежат фото этого прохвоста.

И не просто так она решила наложить на себя руки. Она все еще его любит. И теперь, может быть, неосознанно, воспринимает его появление как еще один шанс судьбы. Все мы цепляемся за соломины.

Бывший муж опустил в кресло, в котором вчера сидел Сокольников. По-хозяйски закинул ногу на ногу, наполнил бокалы, не забыв и Сокольникова.

-За встречу! Так вы в самом деле приобрели картину Моне?

-Почему бы и нет? Дешево и сердито.

-Не понял. Ты сказала ему, что это подлинник?

Анечка не успела ответить. Сокольников развалился в кресле, бросил в огонь бутылочную пробку.

-Подделка. Три копейки в базарный день. Моне не писал копий Камиллы в японском кимоно. Заявляю как специалист.

Он видел, что Анечка одобряет его игру. А Сокольникову хотелось наговорить Паше как можно больше гадостей, довести самодовольного пижона до кипения.

-Сколько же он тебе заплатил?! – вскочил Паша. – Вы что тут с ума посходили? В 45-ом подлинность картины была подтверждена немецкими экспертами. Ее вывез из Германии один из адъютантов Жукова.

-Тебе- то что? – провела вдруг ладонью по щеке Паши Анечка. – Вещь моя, что хочу с ней, то и делаю.

-Конечно, но нельзя, чтобы тебя обманывали.

Анечка тяжело вздохнула. Сокольникову показалось, что ей хочется поцеловать бывшего мужа.

Как-то сразу его покинули силы, пропало желание ломать комедию. Видимо, и Анечке надоело.

-Успокойся, здесь твой Клод Моне. Вернее, мой. Доволен?

-Где?

-Ну не знаю, у меня в комнате, вероятно. Или наверху.

Поднялась, пошла к двери, скрылась за стеной. Наступила напряженная пауза. Ни Паша, ни Сокольников не знали, что сказать друг другу. Выпили.

-Смешная, необычная, – наконец выдавил из себя Паша.

-И поэтому ты избил ее до полусмерти?

-Не так все было. Потом, помните, что писал Фрейд? – 'собираясь к женщине, возьми с собой плетку'.

-Плетку, но не кувалду.

-Я не понимаю... Что здесь вообще произошло, почему Анечка пыталась отравиться?

Сокольникову не хотелось говорить на эту тему, вообще не было желания о чем-либо беседовать с Пашей, но пришлось:

-Думаю, она тебя, подлеца, до сих пор любит. Тяжело переживает разрыв. А ты-то, испытываешь к ней хоть какие-нибудь чувства?

Паша сделал вид, что обиделся на 'подлеца'. Но моментально забыл об оскорблении.

-Конечно. Зачем бы я приехал?

-За картиной ты приехал, не ври.

Пропустив категоричное утверждение Сокольникова, Паша наклонился к нему:

-Вы, правда, специалист по живописи? Говорите, Моне не писал копий?

Сокольников понял, что Паша ни в чем не уверен. А картину сам он ни разу не показывал экспертам. Со второго этажа спустилась озадаченная Анечка.

-Не знаю, куда подевалась Камилла. Как сквозь землю провалилась.

-Почти, – кивнул Сокольников. – Перед приходом полиции я ее в подпол спрятал. С вас причитается.

На лице Паши появилась широкая улыбка, которая совершенно его обезобразила. Он задергался, словно на пружинах и таким же пружинистым шагом направился к подполу. Нажал выключатель, дернул за кольцо люка. Распахнув его, замер.

-Господи, она разбита вдребезги!

Слетел вниз по лестнице и вскоре выполз наружу с покоренной рамой.

-Что вы сделали с картиной?!

Сокольников пожал плечами, затаился сигаретой.

-За минуту до прихода полиции скинул ее вниз. Иначе плакал бы ваш Клод Моне. Незаконное хранение произведений искусства. Пошутил, я не эксперт. Кстати, пару лет на-

зад за тайное хранение картины Поля Сезанна осудили некоего адвоката из Массачусетса Роберта Мордиросяна. Выяснилось, что картину украли из музея еще в 1978 году. Мордиросяна посадили и оштрафовали на 100 000 евро.

-Какое это отношение имеет ко мне?– вскинулся Паша. – Камилла была вывезена из Германии как военный трофей.

-Это вы судье расскажите, – подошел к нему Сокольников, перехватил сломанную раму, потянул к себе. – И вообще, эта вещь не ваша. Отдайте. Да отдайте же.

Паша вцепился в картину энцефалитным клещом и чуть было не свалился обратно в подпол. Только потеряв равновесие, выпустил полотно из рук. Сокольников вернул картину Анечке. Та засмеялась, налила всем вина.

-Не ссорьтесь, мальчики.

Это уже интересно, – заметил про себя Сокольников, – если сказала 'мальчики', то точно настроена на мирное урегулирование конфликта с бывшим мужем.

Вокруг картины, лежащей на полу, Паша расхаживал страусиным шагом. Не удержался, вновь взял ее в руки, опустился в кресло. Попробовал составить две сломанные рейки рамы.

-Меня переводят на дипломатическую работу в Италию.

-Да, картина вам сейчас очень кстати, – съязвил Сокольников. – И с таможней, как я понимаю, проблем не будет.

-Дело не в картине. А что, Анечка, не забыть ли нам старые обиды и не махнуть ли вместе в Рим?

Анечка закатила глаза, и Сокольников не понял, какая птица на этот раз в них ожила. Опять рассмеялась. Сокольников ожидал чего угодно, но только не того, что Анечка неожиданно обовьет шею Паши руками, поцелует его в губы и сядет к нему на колени, оттеснив крепкими бедрами японскую гейшу. У Сокольникова даже дыхание сбилось. Вот тебе и женская принципиальность. И никакая ты, Анечка, не особенная, а такая же, как все бабы.

-Ты меня любишь?– спросила она шепотом.

-Аг-га, – поперхнулся Паша ее языком.

В животе Сокольникова завелась крыса, начала пожирать внутренности. Но Анечка внезапно соскочила с Пашиных колен, щелкнула его по носу:

-А я тебя ничутьючки. И живу без тебя прекрасно. Так что допивай вино и проваливай.

Печень, селезенка и желудок Сокольникова моментально встали на место.

-Я пошутила, – опять преобразилась Анечка, окончательно запутав Сокольникова. – Италия-это здорово. Буду плавать по Венеции на личной гондоле. Ты мне купишь гондолу? В Италию мы возьмем с собой Сокольникова, он будет моим личным гондольером. Согласен, Сокольников?

Он не знал уже на что соглашаться и как вообще реагировать на слова Анечки. Она же, видимо, здорово захмелела. Мерло в совокупности с водкой и коньяком внезапно подкосили и Сокольникова. Он смутно помнил потом, как

Анечка исполняла японский танец в одеянии гейши, как обмахивала веером его и Пашу, как он, наконец, провалился в черную пустоту.

Проснулся от тяжелых сладострастных стонов и стуков в стенку. Как-то сразу все понял и мир, не успев сформироваться в одно целое в едва проснувшемся мозгу, перевернулся вверх ногами. Анечка и Паша занимались сексом в соседней комнате, и это не требовало доказательств. Отчаяние сдавило его со всех сторон. Будто атмосферное давление увеличилось в тысячу раз. Хотелось провалиться сквозь землю или бежать без оглядки. Никогда в жизни он не испытывал еще такого опустошения, такой боли. Дрянь! Какая же ты дрянь, Анечка!

Огонь в камине погас, так же как и свечи на столе. Чиркнул зажигалкой, зажег один из огарков. Прикрывая ладонью пламя, подошел к окну, отдернул занавеску. Светало. Мозг заработал вдруг четко, как часовой механизм. В прихожей есть старые куртки и валенки, до Москвы доберусь. Но здесь больше ни минуты. Хотя, нет, минуту как раз потрачу.

Вернулся в комнату, поднял с пола картину, переложил в кресло. Взял столовый нож, вонзил острие в полотно Моне. Провернул несколько раз, дернул лезвие в одну сторону, в другую. Ткань вспарывалась с хрустом, но он не боялся, что потревожит любовников. Он больше ничего не боялся.

На углу стола лежала открытая пачка с таблетками. Поднес свечу. Феназепам. Три блистера пусты, два полные. По-

вертел в руках, облизал сухие губы. Высыпал в бутылку с вином все таблетки, разболтал, опустился в кресло. Вот так. Поспите, голубки, до страшного суда. Встал, решительно направился к выходу, но остановился на полпути. Что же я делаю? Не стоят они погибели моей души. Вернулся к столу, вылил отравленное вино на распоротую Камиллу. Анечка, ведьма, чуть до греха не довела.

В прихожей накинул первую попавшуюся куртку, сунул ноги в валенки. Прихватил также солдатскую шапку-ушанку без кокарды. Почтой верну, ну пока. Ах, да. Достал из холодильника бутылку коньяка, положил в карман.

Выйдя на улицу, где было довольно тепло и туманно, Сокольников направился не к дороге, ведущей на станцию, а к лесу. На холме, заросшем березами и соснами, откуда хорошо был виден дом Анечки, присел на упавшее дерево, вытянул ноги. Хорошо провел время, ничего не скажешь. На что надеялся, на чудо? Сколько раз можно убеждаться в том, что люди не меняются никогда. По крайней мере, в лучшую сторону. Опять на душе заскребли кошки. Вернее, они никуда и не пропадали, только когти у них стали более острыми. Свинтил крышку бутылки, запрокинул голову. Немного отпустило.

-Дай и мне хлебнуть, зябко.

Удивился? Скорее, нет. Уже ничем она его не могла удивить. Не оборачиваясь, протянул бутылку. Анечка села рядом. Поверх японского кимоно на ней была шерстяная шаль.

-Ты меня осуждаешь?

-Нет.

-Знаю, что я дрянь.

-Еще какая.

Вдруг эмоции вырвались наружу.

-Для чего ты все это со мной сделала?! В чем я перед тобой виноват?! Ты понимаешь, что я тоже живой человек?!

-Три вопроса сразу, на которые у меня нет ответа.

Взглянул ей в глаза. Птиц в них он не заметил. У нее были глаза печальной, растерянной собаки, которую бросил хозяин. Сразу захотелось обнять Анечку, прижать к сердцу и все ей простить. Но он знал, что так уже никогда не поступит.

-Ладно, я пошла, – сказала она. Поставила бутылку на снег, так и не сделав ни глотка. -Да, картина с Камиллой ломаного гроша не стоит. Грубая мазня, а не подлинник. Моне никаких копий с "Японки" не делал.

-Почему же сразу не сказала Паше?

-Дура потому что.

Он не нашелся, что на это сказать.

-Кстати, в Европе аномальные холода, каналы в Венеции замерзли, – перешла вдруг она на другую тему.

-Когда-нибудь оттают. Иди, буди своего Пашу.

-Он уже не проснется.

-Почему?

-Умер.

Заныла шея, свело сначала правую ногу, потом левую.

Что-то гигантское летело на него с горы.

-Как умер? Зачем?

-Сорок таблеток бензодиапезина с вином, без вариантов.

Проверено. Пульса уже нет.

-Ты бредишь?

-Оставьте меня все в покое.

Она встала. Поправила шаль, повела крупными плечами, сделала шаг в сторону дома.

-Прости меня, Сокольников. Прости, если сможешь. Впрочем, мне все равно. Я тоже уже умерла. Давно. А ты и не заметил, что общался с мертвой. Уходи, сейчас приедет полиция, я ее уже вызвала.

Фигура в цветном кимоно терялась среди деревьев. Стой, хотелось крикнуть ему, ты все придумала! Но он не посмел ее остановить.

Кусал губы: "Птицы – прямые потомки динозавров. Плохой из меня орнитолог".

Так стоял и смотрел, как она подошла к дому, села у крыльца. Вскоре подъехала полицейская машина, а за ней карета скорой помощи. Потом, где-то через час, вынесли носилки, покрытые белой простыней. Еще через полтора часа Анечку посадили в машину и увезли. Перед тем как сесть в нее, она обернулась в сторону леса и, кажется, поймала его глазами.

Конечно, издали Сокольников не видел, кто в них те-

перь живет, но чувствовал, что птицы там больше уже нет.
Она улетела навсегда.